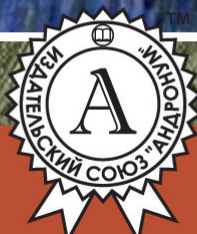

Чезаре Ломброзо

Гениальность
и помешательство

Чезаре Ломброзо

Гениальность и помешательство

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ломброзо Ч.

Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Гениальность и помешательство» — произведение известного итальянского психиатра и криминолога Чезаре Ломброзо (итал. Cesare Lombroso, 1835 — 1909).***Это неординарный анализ психики великих умов планеты, вызвавший в свое время бурю критики. Ломброзо ставит диагнозы таким гениальным личностям, как Жан-Жак Руссо, Исаак Ньютон, Роберт Шуман и многим другим, основываясь на их произведениях, высказываниях и даже физиологических особенностях. Чезаре Ломброзо — достаточно одиозная и неоднозначная фигура в науке. Его теоретические выводы, в частности классификация преступников на четыре типа, используются и в современной криминалистике.

© Ломброзо Ч.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ	5
I. СХОДСТВО ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ С ПОМЕШАННЫМИ В ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ	6
II. ВЛИЯНИЕ АТМОСФЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ НА ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И НА ПОМЕШАННЫХ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Чезаре Ломброзо

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬНОСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Когда, много лет тому назад, находясь как бы под влиянием экстаза (*raptus*), во время которого мне точно в зеркале с полной очевидностью представлялись соотношения между гениальностью и помешательством, я в 12 дней написал первые главы этой книги. Признаюсь, даже мне самому не было ясно, к каким серьезным практическим выводам может привести созданная мною теория. Я не ожидал, что она даст ключ к уразумению таинственной сущности гения и к объяснению тех странных религиозных маний, которые являлись иногда ядром великих исторических событий, что она поможет установить новую точку зрения для оценки художественного творчества гениев путем сравнения произведений их в области искусства и литературы с такими же произведениями помешанных и, наконец, что она окажет громадные услуги судебной медицине.

В таком важном практическом значении новой теории убедили меня мало-помалу как документальные работы Адриани, Паоли, Фриджеро, Максима Дюкана, Рива и Верга относительно развития артистических дарований у помешанных, так и громкие процессы последнего времени – Манжионе, Пассананте, Лазаретти, Гито, доказавшие всем, что мания писательства не есть только своего рода психиатрический курьез, но прямо особая форма душевной болезни и что одержимые ею субъекты, по-видимому, совершенно нормальные, являются тем более опасными членами общества, что сразу в них трудно заметить психическое расстройство, а между тем они бывают способны на крайний фанатизм и, подобно религиозным маньякам, могут вызывать даже исторические перевороты в жизни народов. Вот почему заняться вновь рассмотрением прежней темы на основании новейших данных и в более широком объеме показалось мне делом чрезвычайно полезным. Не скрою, что я считаю его даже и смелым, ввиду того ожесточения, с каким риторы науки и политики, с легкостью газетных борзописцев и в интересах той или другой партии, стараются осмеять людей, доказывающих вопреки бредням метафизиков, но с научными данными в руках полную незыблемость, вследствие душевной болезни, некоторых из так называемых «преступников» и психическое-расстройство многих лиц, считавшихся до сих пор, по общепринятому мнению, совершенно здравомыслящими.

На язвительные насмешки и мелочные придирки наших противников мы, по примеру того оригинала, который для убеждения людей, отрицавших движение, двигался в их присутствии, ответим лишь тем, что будем собирать новые факты и новые доказательства в пользу нашей теории. Что может быть убедительнее фактов и кто станет отрицать их? Разве одни только невежды, но торжеству их скоро наступит конец.

Проф. Ч. Ломброзо
Турин, 1 января 1882 г.

I. СХОДСТВО ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ С ПОМЕШАННЫМИ В ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Как ни жесток и печален такого рода парадокс, но, рассматривая его с научной точки зрения, мы найдем, что в некоторых отношениях он вполне основателен, хотя с первого взгляда и кажется нелепым.

Многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным, судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми «хореическими», телодвижениями. Так, о Ленау и Монтеスキ рассказывают, что на полу у столов, где они занимались, можно было заметить углубления от постоянного подергивания их ног. Бюффон, погруженный в свои размышления, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревке совершенно бессознательно, как будто в припадке сомнамбулизма. Сантейль, Кребийон, Ломбардини имели странную мимику, похожую на гримасы. Наполеон страдал постоянным подергиванием правого плеча и губ, а во время припадков гнева – также и икр. «Я, вероятно, был очень рассержен, – сознавался он сам однажды после горячего спора с Лоу, – потому что чувствовал дрожание моих икр, чего со мной давно уже не случалось». Петр Великий был подвержен подергиваниям лицевых мускулов, ужасно искажавших его лицо.

«Лицо Кардуччи, – говорит Мантегацца, – по временам напоминает собою ураган: из глаз его сыплются молнии, а дрожание мускулов походит на землетрясение».

Ампер не мог иначе говорить, как ходя и шевеля всеми членами. Известно, что обычный состав мочи и в особенности содержание в ней мочевины заметно изменяется после маниакальных приступов. То же самое замечается и после усиленных умственных занятий. Уже много лет тому назад Гольдинг Берд сделал наблюдение, что у одного английского проповедника, всю неделю проводившего в праздности и только по воскресеньям с большим жаром произносившего проповеди, именно в этот день значительно увеличивалось в моче содержание фосфорнокислых солей, тогда как в другие дни оно было крайне ничтожно. Впоследствии Смит многими наблюдениями подтвердил тот факт, что при всяком умственном напряжении увеличивается количество мочевины в моче, и в этом отношении аналогия между гениальностью и сумасшествием представляется несомненной.

На основании такого ненормального изобилия мочевины или, скорее, на основании этого нового подтверждения закона о равновесии между силой и материей, управляющего всем миром живых существ, можно вывести еще и другие, более изумительные аналогии: например, седина и облысение, худоба тела, а также плохая мускульная и половая деятельность, свойственные всем помешанным, очень часто встречаются и у великих мыслителей. Цезарь боялся бледных и худых Кассиев. Д'Аламбер, Фенелон, Наполеон были в молодости худы как скелеты. О Вольтере Сегюр пишет: «Худоба доказывает, как много он работает; изможденное и согбенное тело его служит только легкой, почти прозрачной оболочкой, сквозь которую как будто видишь душу и гений этого человека».

Бледность всегда считалась принадлежностью и даже, украшением великих людей. Кроме того, мыслителям наравне с помешанными свойственны: постоянное переполнение мозга кровью (гиперемия), сильный жар в голове и охлаждение конечностей, склонность к острым болезням мозга и слабая чувствительность к голоду и холоду.

О гениальных людях, точно так же, как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одиночками, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, что его искусство заменяет ему жену. Гете,

Гейне, Байрон, Челлини, Наполеон, Ньютон хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали еще нечто худшее.

Нередки случаи, когда вследствие тех же причин, которые так часто вызывают сумасшествие, т. е. вследствие болезней и повреждений головы, самые обыкновенные люди превращаются в гениальных. Вико в детстве упал с высочайшей лестницы и раздробил себе правую теменную кость. Гратри, вначале плохой певец, сделался знаменитым артистом после сильного ушиба головы бревном. Мабиль-он, смолоду совершенно слабоумный, достиг известности своими талантами, которые развились в нем вследствие полученной им раны в голову. Галль, сообщивший этот факт, знал одного датчанина-полуидиота, умственные способности которого сделались блестящими после того, как он, 13 лет, свалился с лестницы головою вниз (3). Несколько лет тому назад один кретин из Савойи, укушенный бешеной собакой, сделался совершенно разумным человеком в последние дни своей жизни. Доктор Галле знал ограниченных людей, умственные способности которых необыкновенно развились вследствие болезней мозга (mi-dollo).

«Очень может быть, что моя болезнь (болезнь спинного мозга) придала моим последним произведениям какой-то ненормальный оттенок», – говорит с удивительной прозорливостью Гейне в одном из своих писем. Нужно, впрочем, прибавить, что болезнь отразилась таким образом не только на его последних произведениях, и он сам сознавал это. Еще за несколько месяцев до усиления своей болезни Гейне писал о себе (Correspondance inedite. Paris, 1877): «Мое умственное возбуждение есть скорее результат болезни, чем гениальности – чтоб хотя немного утишить мои страдания, я сочинял стихи. В эти ужасные ночи, обезумев от боли, бедная голова моя мечется из стороны в сторону и заставляет звенеть с жестокой веселостью бубенчики изношенного дурацкого колпака».

Биша и фон дер Кольк заметили, что у людей с искривленной шеей ум бывает живее, чем у людей обыкновенных. У Конолли был один больной, умственные способности которого возбуждались во время операций над ним, и несколько таких больных, которые проявляли особенную даровитость в первые периоды чахотки и подагры. Всем известно, каким остроумием и хитростью отличаются горбатые; Рокитанский пытался даже объяснить это тем, что у них аорта, дав сосуды, идущие к голове, делает изгиб, вследствие чего является расширение объема сердца и увеличение артериального давления в черепе.

Этой зависимостью гения от патологических изменений отчасти можно объяснить любопытную особенность гениальности по сравнению с талантом, в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется совершенно неожиданно.

Юрген Мейер говорит, что талантливый человек действует строго обдуманно; он знает, как и почему он пришел к известной теории, тогда как гению это совершенно неизвестно: всякая творческая деятельность бессознательна.

Гайдн приписывал таинственному дару, ниспосланному свыше, создание своей знаменитой оратории «Сотворение мира». «Когда работа моя плохо подвигалась вперед, – говорил он, – я, с четками в руках, удалялся в молельню, прочитывал Богородицу – и вдохновение снова возвращалось ко мне».

Итальянская поэтесса Милли во время создания, почти невольного, своих чудных стихотворений волнуется, кричит, поет, бежит взад и вперед и как будто находится в припадке эпилепсии.

Те из гениальных людей, которые наблюдали за собою, говорят, что под влиянием вдохновения они испытывают какое-то невыразимо-приятное лихорадочное состояние, во время которого мысли невольно роятся в их уме и брызжут сами собою, точно искры из горячей головни.

Это прекрасно выразил Данте в следующих трех строках:

... I mi son un che, quando
Amore spira, noto ed in quel modo
Che detta dentro vo significando.¹

Наполеон говорил, что исход битв зависит от одного мгновения, от одной мысли, временно остававшейся бездейственной; при наступлении благоприятного момента она вспыхивает, подобно искре, и в результате является победа (Моро).

Бауэр говорит, что лучшие стихотворения Ку были продиктованы им в состоянии, близком к умопомешательству. В те минуты, когда с уст его слетали эти чудные строфы, он был не способен рассуждать даже о самых простых вещах.

Фосколо сознается в своем *Epistolario*, лучшем произведении этого великого ума, что творческая способность писателя обуславливается особым родом умственного возбуждения (лихорадки), которое нельзя вызвать по своему произволу.

«Я пишу свои письма, – говорит он, – не для отечества и не ради славы, но для того внутреннего наслаждения, какое доставляет нам упражнение наших способностей».

Беттинелли называет поэтическое творчество сном с открытыми глазами, без потери сознания, и это, пожалуй, справедливо, так как многие поэты диктовали свои стихи в состоянии, похожем на, сон.

Гете тоже говорит, что для поэта необходимо известное мозговое раздражение и что он сам сочинял многие из своих песен, находясь как бы в припадке сомнамбулизма.

Клопшток сознается, что, когда он писал свою поэму, вдохновение часто являлось к нему во время сна.

Во сне Вольтер задумал одну из песен Генриады, Сардини – теорию игры на флажолете, а Секендорф – свою прелестную песню о Фантазии. Ньютон и Кардано во сне разрешали математические задачи.

Муратори во сне составил пентаметр на латинском языке много лет спустя после того, как перестал писать стихи. Говорят, что во время сна Лафонтен сочинил басню «Два голубя», а Кондильяк закончил лекцию, начатую накануне.

«Кубла» Кольриджа и «Фантазия» Гольде были сочинены во сне.

Моцарт сознавался, что музыкальные идеи являются у него невольно, подобно сновидениям, а Гофман часто говорил своим друзьям: «Я работаю, сидя за фортепьяно с закрытыми глазами, и воспроизвожу то, что подсказывает мне кто-то со стороны».

Лагранж замечал у себя неправильное биение пульса, когда писал, у Альфьери же в это время темнело в глазах.

Ламартин часто говорил: «Не я сам думаю, но мои мысли думают за меня».

Альфьери, называвший себя барометром – до такой степени изменялись его творческие способности смотря по времени года, – с наступлением сентября не мог противиться овладевавшему им невольному побуждению, до того сильному, что он должен был уступить и написал шесть комедий. На одном из своих сонетов он собственноручно сделал такую надпись: «Случайный. Я не хотел его писать». Это преобладание бессознательного в творчестве гениальных людей замечено было еще в древности.

Сократ первый указал на то, что поэты создают свои произведения не вследствие старания или искусства, но благодаря некоторому природному инстинкту. Таким же образом прорицатели говорят прекрасные вещи, совершенно не сознавая этого.

«Все гениальные произведения, – говорит Вольтер в письме к Дидро, – созданы инстинктивно. Философы целого мира вместе не могли бы написать Армиды Кино или басни «Мор

¹ Вдохновляемый любовью, я говорю то, что она подсказывает мне.

зверей», которую Лафонтен диктовал, даже не зная хорошенько, что из нее выйдет. Корнель написал трагедию «Гораций» так же инстинктивно, как птица вьет гнездо».

Таким образом, величайшие идеи мыслителей, подготовленные, так сказать, уже полученными впечатлениями и в высшей степени чувствительной организацией субъекта, рождаются внезапно и развиваются настолько же бессознательно, как и необдуманные поступки помешанных. Этой же бессознательностью объясняется непоколебимость убеждений в людях, усвоивших себе фанатически известные убеждения. Но как только прошел момент экстаза, возбуждения, гений превращается в обыкновенного человека или падает еще ниже, так как отсутствие равномерности (равновесия) есть один из признаков гениальной натуры. Дизраэли отлично выразил это, когда сказал, что у лучших английских поэтов, Шекспира и Драйдена, можно встретить и самые плохие стихи. О живописце Тинторетто говорили, что он бывает то выше Карраччи, то ниже Тинторетто.

Овидио вполне правильно объясняет неодинаковость слога Тассо его же собственным признанием, что, когда исчезало вдохновение, он путался в своих сочинениях, не узнавал их и не в состоянии был оценить их достоинства.

Не подлежит никакому сомнению, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим и создающим свое произведение, существует полнейшее сходство.

Припомните латинскую пословицу: «Aut insanit homo, aut versus fecit» («Или безумец, или стихоплет»).

Вот как описывает состояние Тассо врач Ревелье-Парат:

«Пульс слабый и неровный, кожа бледная, холодная, голова горячая, воспаленная, глаза блестящие, налитые кровью, беспокойные, бегающие по сторонам. По окончании периода творчества часто сам автор не понимает того, что он минуту тому назад излагал».

Марини, когда писал *Adone*, не заметил, что сильно обжег ногу. Тассо в период творчества казался совершенно помешанным. Кроме того, обдумывая что-нибудь, многие искусственно вызывают прилив крови к мозгу, как, например, Шиллер, ставивший ноги в лед, Питт и Фокс, приготовлявшие свои речи после неумеренного употребления портера, и Паизиелло, сочинявший не иначе как укрывшись множеством одеял. Мильтон и Декарт опрокидывались головою на диван, Боссюэ удалялся в холодную комнату и клал себе на голову теплые припарки; Куйас (*Cujas*) работал лежа вниз лицом на ковре. О Лейбнице сложилась поговорка, что он мыслил только в горизонтальном положении – до такой степени оно было необходимо ему для умственной деятельности. Мильтон сочинял запрокинув, голову назад, на подушку, а Тома (*Thomas*) и Россини – лежа в постели; Руссо обдумывал свои произведения под ярким полуденным солнцем с открытой головой.

Очевидно, все они инстинктивно употребляли такие средства, которые временно усиливают прилив крови к голове в ущерб остальным членам тела. Здесь кстати упомянуть о том, что многие из даровитых и в особенности гениальных людей злоупотребляли спиртными напитками. Не говоря уже об Александре Великом, который под влиянием опьянения убил своего лучшего друга и умер после того, как десять раз осушил кубок Геркулеса, – самого Цезаря солдаты часто приносили домой на своих плечах. Сократ, Сенека, Алкивиад, Катон, а в особенности Септимий Север и Махмуд II до такой степени отличались невоздержанностью, что все умерли от пьянства вследствие белой горячки. Запоем страдали также Коннетабль Бурбонский, Авиценна, о котором говорят, что он посвятил вторую половину своей жизни на то, чтобы доказать всю бесполезность научных сведений, приобретенных им в первую половину, и многие живописцы, например Карраччи, Стен (*Steen*), Барбателли, и целая плеяда поэтов – Мюрже, Жерар де Нерваль, Мюссе, Клейст, Майлат и во главе их Тассо, писавший в одном из своих писем: «Я не отрицаю, что я безумец; но мне приятно думать, что мое безумие произошло от пьянства и любви, потому что я действительно пью много».

Немало пьяниц встречается и в числе великих музыкантов, например Дюссек, Гендель и Глюк, говоривший, что «он считает вполне справедливым любить золото, вино и славу, потому что первое дает ему средство иметь второе, которое, вдохновляя, доставляет ему славу». Впрочем, кроме вина, он любил также водку и наконец опился ею.

Замечено, что почти все великие создания мыслителей получают окончательную форму или по крайней мере выясняются под влиянием какого-нибудь специального ощущения, которое играет здесь, так сказать, роль капли соленой воды в хорошо устроенном вольтовом столбе. Факты доказывают, что все великие открытия были сделаны под влиянием органов чувств, как это подтверждает и Молешотт. Несколько лягушек, из которых предполагалось приготовить целебный отвар для жены Гальвани, послужили к открытию гальванизма. Изохронические (одновременные) качания люстры и падение яблока натолкнули Ньютона и Галилея на создание великих систем. Альфьери сочинял и обдумывал свои трагедии, слушая музыку. Моцарт при виде апельсина вспомнил народную неаполитанскую песенку, которую слышал пять лет тому назад, и тотчас же написал знаменитую кантату к опере «Дон Жуан». Взглянув на какого-то носильщика, Леонардо задумал своего Иуду, а Торвальдсен нашел подходящую позу для сидящего ангела при виде кривляний своего натурщика. Вдохновение впервые осенило Сальваторе Розу в то время, когда он любовался видом Позилино, а Хогарт нашел типы для своих карикатур в таверне, после того как один пьяница разбил там ему нос в драке. Мильтону, Бэкону, Леонардо и Варбуртону необходимо было слышать звон колоколов, для того чтобы приняться за работу; Бурдалу, перед тем как диктовать свои бессмертные проповеди, всегда наигрывал на скрипке какую-нибудь арию. Чтение одной оды Спенсера возбудило в Коулее склонность к поэзии, а книга Сакробозе заставила Гаммада пристраститься к астрономии. Рассматривая рака, Уатт напал на мысль об устройстве чрезвычайно полезной в промышленности машины, а Гиббон задумал писать историю Греции после того, как увидел развалины Капитолия 4).

Но ведь точно так же известные ощущения вызывают помешательство или служат исходной точкой его, являясь иногда причиной самых страшных припадков бешенства. Так, например, кормилица Гумбольдта сознавалась, что вид свежего, нежного тела ее питомца возбуждал в ней неудержимое желание зарезать его. А сколько людей были вовлечены в убийство, поджог или разрывание могил при виде топора, пылающего костра и трупа!

Следует еще прибавить, что вдохновение, экстаз всегда, переходят в настоящие галлюцинации, потому что человек видит тогда предметы, существующие лишь в его воображении. Так, Гросси рассказывал, что однажды ночью, после того как он долго трудился над описанием появления призрака Прина, он увидел этот призрак перед собою и должен был зажечь свечу, чтобы избавиться от него. Балль рассказывает о сыне (successore) Рейнолдса, что он мог делать до 300 портретов в год, так как ему было достаточно посмотреть на кого-нибудь в продолжение получаса, пока он набрасывал эскиз, чтобы потом уже это лицо постоянно было перед ним, как живое. Живописец Мартини всегда видел перед собою картины, которые писал, так что однажды, когда кто-то встал между ним и тем местом, где представлялось ему изображение, он попросил этого человека посторониться, потому что для него невозможно было продолжать копирование, пока существовавший лишь в его воображении оригинал был закрыт. Лютер слышал от сатаны аргументы, которых раньше не мог придумать сам.

Если мы обратимся теперь к решению вопроса – в чем именно состоит физиологическое отличие гениального человека от обыкновенного, то, на основании автобиографий и наблюдений, найдем, что по большей части вся разница между ними заключается в утонченной и почти болезненной впечатлительности первого. Дикарь или идиот малочувствительны к физическим страданиям, страсти их немногочисленны, из ощущений же воспринимаются ими лишь те, которые непосредственно касаются их в смысле удовлетворения жизненных потребностей. По мере развития умственных способностей впечатлительность растет и достигает наиболь-

шей силы в гениальных личностях, являясь источником их страданий и славы. Эти избранные натуры более чувствительны в количественном и качественном отношении, чем простые смертные, а воспринимаемые ими впечатления отличаются глубиной, долго остаются в памяти и комбинируются различным образом. Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, незаметные для обыкновенного человека, глубоко западают им в душу и перерабатываются на тысячу ладов, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называют творчеством, хотя это только бинарные и кватернарные комбинации ощущений.

Галлер писал о себе: «Что осталось у меня, кроме впечатлительности, этого могучего чувства, являющегося следствием темперамента, который живо воспринимает радости любви и чудеса науки? Даже теперь я бываю тронут до слез, когда читаю описание какого-нибудь великодушного поступка. Свойственная мне чувствительность, конечно, и придает моим стихотворениям тот страстный тон, которого нет у других поэтов».

«Природа не создала более чувствительной души, чем моя», – писал о себе Дидро. В другом месте он говорит: «Увеличьте число чувствительных людей, и вы увеличите количество хороших и дурных поступков». Когда Альфье-ри в первый раз услышал музыку, то был, по его словам, «поражен до такой степени, как будто яркое солнце ослепило мне зрение и слух; несколько дней после того я чувствовал необыкновенную грусть, не лишенную приятности; фантастические идеи толпились в моей голове, и я способен был писать стихи, если бы знал тогда, как это делается...» В заключение он говорит, что ничто не действует на душу так неотразимо могущественно, как музыка. Подобное же мнение высказывали Стерн, Руссо и Ж. Санд.

Корради доказывает, что все несчастья Леопарди и самая его философия были вызваны излишней чувствительностью и неудовлетворенной любовью, которую он в первый раз испытал на 18-м году. И действительно, философия Леопарди принимала более или менее мрачный оттенок, смотря по состоянию его здоровья, пока наконец грустное настроение не обратилось у него в привычку.

Урквициа падал в обморок, услышав запах розы.

Стерн, после Шекспира наиболее глубокий из поэтов-психологов, говорит в одном письме: «Читая биографии наших древних героев, я плачу о них, как будто о живых людях... Вдохновение и впечатлительность – единственные орудия гения. Последняя вызывает в нас те восхитительные ощущения, которые придают большую силу радости и вызывают слезы умиления».

Известно, в каком рабском подчинении находились Альфьери и Фосколо у женщин, не всегда достойных такого обожания. Красота и любовь Форнарины служили для Рафаэля источником вдохновения не только в живописи, но и в поэзии. Несколько его эротических стихотворений до сих пор еще не утратили своей прелести.

А как рано проявляются страсти у гениальных людей! Данте и Альфьери были влюблены в 9 лет, Руссо – 11, Каррон и Байрон – 8. С последним уже на 16-м году сделались судороги, когда он узнал, что любимая им девушка выходит замуж. «Горе душило меня, – рассказывает он, – хотя половое влечение мне было еще незнакомо, но любовь я чувствовал до того страстную, что вряд ли и впоследствии испытал более сильное чувство». На одном из представлений Кица с Байроном случился припадок конвульсий.

Лорби видел ученых, падавших в обморок от восторга при чтении сочинений Гомера.

Живописец Франчия (Francia) умер от восхищения, после того как увидел картину Рафаэля.

Ампер до такой степени живо чувствовал красоты природы, что едва не умер от счастья, очутившись на берегу Женевского озера. Найдя решение какой-то задачи, Ньютон был до того потрясен, что не мог продолжать своих занятий. Гей-Люссак и Дэви после сделанного ими открытия начали в туфлях плясать по своему кабинету. Архимед, восхищенный решением задачи, в костюме Адама выбежал на улицу с криком: «Эврика!» («Нашел!») Вообще, сильные

умы обладают и сильными страстями, которые придают особенную живость всем их идеям; если у некоторых из них многие страсти и бледнеют, как бы замирают со временем, то это лишь потому, что мало-помалу их заглушает преобладающая страсть к славе или к науке.

Но именно эта слишком сильная впечатлительность гениальных или только даровитых людей является в громадном большинстве случаев причиной их несчастий, как действительных, так и воображаемых.

«Драгоценный и редкий дар, составляющий привилегию великих гениев, – пишет Мантегацца, – сопровождается, однако же, болезненной чувствительностью ко всем, даже самым мелким, внешним раздражениям: каждое дуновение ветерка, малейшее усиление жара или холода превращается для них в тот засохший розовый лепесток, который не давал заснуть несчастному сибариту». Лафонтен, может быть, разумел самого себя, когда писал:

«Un souffle, une rien leur donne la fièvre».²

Гений раздражается всем, и что для обыкновенных людей кажется просто булавочными уколами, то при его чувствительности уже представляется ему ударом кинжала.

Буало и Шатобриан не могли равнодушно слышать похвал кому бы то ни было, даже своему сапожнику.

Когда Фосколо разговаривал однажды с госпожой S., пишет Мантегацца, за которой сильно ухаживал, и та зло подсмеялась над ним, он пришел в такую ярость, что закричал: «Вам хочется убить меня, так я сейчас же у ваших ног размозжу себе череп». С этими словами он со всего размаха бросился головою вниз на угол камина. Одному из стоявших вблизи удалось, однако же, удержать его за плечи и тем спасти ему жизнь.

Болезненная впечатлительность порождает также и непомерное тщеславие, которым отличаются не только люди гениальные, но и вообще ученые, начиная с древнейших времен; в этом отношении те и другие представляют большое сходство с мономаньяками, страдающими горделивым помешательством.

«Человек – самое тщеславное из животных, а поэты – самые тщеславные из людей», – писал Гейне, подразумевая, конечно, и самого себя. В другом письме он говорит: «Не забывайте, что я – поэт и потому думаю, что каждый должен бросить все свои дела и заняться чтением стихов».

Менке рассказывает о Филельфо, как он воображал, что в целом мире даже в числе древних никто не знал лучше его латинский язык. Аббат Каньоли до того гордился своей поэмой о битве при Аквилее, что приходил в ярость, когда кто-нибудь из литераторов не раскланивался с ним. «Как, вы не знаете Каньоли?» – спрашивал он.

Поэт Люций не вставал с места при входе Юлия Цезаря в собрание поэтов, потому что считал себя выше его в искусстве стихосложения.

Ариосто, получив лавровый венок от Карла V, бегал точно сумасшедший по улицам. Знаменитый хирург Порта, присутствуя в Ломбардском институте при чтении медицинских сочинений, всячески старался выразить свое презрение и недовольство ими, каково бы ни было их достоинство, тогда как сочинения по математике или лингвистике он выслушивал спокойно и внимательно.

Шопенгауэр приходил в ярость и отказывался платить по счетам, если его фамилия была написана через два п.

Бартез потерял сон с отчаяния, когда при печатании его «Гения» (Genie) не был поставлен знак над е. Уайстон, по свидетельству Араго, не решался издать опровержение ньютоновской хронологии из боязни, как бы Ньютон не убил его.

² Малейшее дуновение ветра, ничтожное облачко, каждый пустяк вызывает у них лихорадку.

Все, кому выпадало на долю редкое счастье жить в обществе гениальных людей, поражались их способностью перетолковывать в дурную сторону каждый поступок окружающих, видеть всюду преследования и во всем находить повод к глубокой, бесконечной меланхолии. Эта способность обуславливается именно более сильным развитием умственных сил, благодаря которым даровитый человек более способен находить истину и в то же время легче придумывает ложные доводы в подтверждение основательности своего мучительного заблуждения. Отчасти мрачный взгляд гениев на окружающее зависит, впрочем, и от того, что, являясь новаторами в умственной сфере, они с непоколебимой твердостью высказывают убеждения, не сходные с общепринятым мнением, и тем отталкивают от себя большинство дюжинных людей.

Но все-таки главнейшую причину меланхолии и недовольства жизнью избранных натур составляет закон динамизма и равновесия, управляющий также и нервной системой, закон, по которому вслед за чрезмерной тратой или развитием силы является чрезмерный упадок той же самой силы, – закон, вследствие которого ни один из жалких смертных не может проявить известной силы без того, чтобы не поплатиться за это в другом отношении, и очень жестоко, наконец, тот закон, которым обуславливается неодинаковая степень совершенства их собственных произведений.

Меланхолия, уныние, застенчивость, эгоизм – вот жестокая расплата за высшие умственные дарования, которые они тратят, подобно тому как злоупотребления чувственными наслаждениями влекут за собою расстройство половой системы, бессилие и болезни спинного мозга, а неумеренность в пище сопровождается желудочными катарам.

После одного из тех экстазов, во время которых поэтесса Милли обнаруживает до того громадную силу творчества, что ее хватило бы на целую жизнь второстепенным итальянским поэтам, она впала в полупаралитическое состояние, продолжавшееся несколько дней. Магомет по окончании своих проповедей впадал в состояние полного оцепенения и однажды сам сказал Абу-Бекру, что толкование трех глав Корана довело его до одурения.

Гете, сам холодный Гете, сознавался, что его настроение бывает то чересчур веселым, то чересчур печальным.

Вообще, я не думаю, чтобы в целом мире нашелся хотя один великий человек, который, даже в минуты полного блаженства, не считал бы себя, без всякого повода, несчастным и гонимым или хотя временно не страдал бы мучительными припадками меланхолии.

Иногда чувствительность искажается и делается односторонней, сосредоточиваясь на одном каком-нибудь пункте. Несколько идей известного порядка и некоторые особенно излюбленные ощущения мало-помалу приобретают значение главного (специфического) стимула, действующего на, мозг великих людей и даже на весь их организм.

Гейне, сам признававший себя неспособным понимать простые вещи, Гейне, разбитый параличом, слепой и находившийся уже при последнем издыхании, когда ему посоветовали обратиться к Богу, прервал хрипение агонии словами: «Dieu me pardonnera – c'est son metier», закончив этой последней иронией свою жизнь, эстетически-циничнее которой не было в наше время. Об Аретино рассказывают, что последние слова его были: «Guardatemi dai topi or che son unto».

Малерб, совсем уже умирающий, поправлял грамматические ошибки своей сиделки и отказался от напутствия духовника потому, что он нескладно говорил.

Богур (Baugours), специалист грамматики, умирая, сказал: «Je vais ou je va mourir» – «то и другое правильно».

Сантени (Santenis) сошел с ума от радости, найдя эпитет, который тщетно приискивал долгое время. Фосколо говорил о себе: «Между тем как в одних вещах я в высшей степени понятлив, относительно других понимание у меня не только хуже, чем у всякого мужчины, но хуже, чем у женщины или у ребенка».

Известно, что Корнель, Декарт, Виргилий, Аддисон, Ла-фонтен, Драйден, Манцони, Ньютон почти совершенно не умели говорить публично.

Пуассон говорил, что жить стоит лишь для того, чтобы заниматься математикой. Д'Аламбер и Менаж, спокойно переносившие самые мучительные операции, плакали от легких уколов критики. Лючио де Лансеваль смеялся, когда ему отрезали ногу, но не мог вынести резкой критики Жофруа.

Шестидесятилетний Линней, впавший в паралитическое и бессмысленное состояние после апоплексического удара, пробуждался от сонливости, когда его подносили к гербарии, который он прежде особенно любил.

Когда Ланьи лежал в глубоком обмороке и самые сильные средства не могли возбудить в нем сознания, кто-то вздумал спросить у него, сколько будет 12 в квадрате, и он тотчас же ответил: 144.

Себуя, арабский грамматик, умер с горя оттого, что с его мнением относительно какого-то грамматического правила не соглашался халиф Гарун аль-Рашид.

Следует еще заметить, что среди гениальных или скорее ученых людей часто встречаются те узкие специалисты, которых Вахдакоф (Wachdakoff) называет монотипичными субъектами; они всю жизнь занимаются одним каким-нибудь выводом, сначала занимающим их мозг и затем уже охватывающим его всецело: так, Бекман в продолжение целой жизни изучал патологию почек, Фреснер – луну, Мейер – муравьев, что представляет огромное сходство с мономанами.

Вследствие такой преувеличенной и сосредоточенной чувствительности как великих людей, так и помешанных чрезвычайно трудно убедить или разубедить в чем бы то ни было. И это понятно: источник истинных и ложных представлений лежит у них глубже и развит сильнее, нежели у людей обыкновенных, для которых мнения составляют только условную форму, род одежды, меняемой по прихоти моды или по требованию обстоятельств. Отсюда следует, с одной стороны, что не должно никому верить безусловно, даже великим людям, а с другой стороны, что моральное лечение мало приносит пользы помешанным.

Крайнее и одностороннее развитие чувствительности, без сомнения, служит причиной тех страных поступков, вследствие временной анестезии и аналгезии 2), которые свойственны великим гениям наравне с помешанными. Так, о Ньютоне рассказывают, что однажды он стал набивать себе трубку пальцем своей племянницы и что, когда ему случалось уходить из комнаты, чтобы принести какую-нибудь вещь, он всегда возвращался, не захватив ее. О Тюшереле говорят, что один раз он забыл даже, как его зовут.

Бетховен и Ньютон, принявшись – один за музыкальные композиции, а другой за решение задач, до такой степени становились нечувствительными к голоду, что бранили слуг, когда те приносили им кушанья, уверяя, что они уже пообедали.

Джиоия в припадке творчества написал целую главу на доске письменного стола вместо бумаги.

Аббат Беккария, занятый своими опытами, во время служения обедни произнес, забывшись: «*Ite, experientia facta est*» («А все-таки опыт есть факт»).

Дидро, нанимая извозчиков, забывал отпускать их, и ему приходилось платить им за целые дни, которые они напрасно простаивали у его дома; он же часто забывал месяцы, дни, часы, даже тех лиц, с кем начинал разговаривать, и, точно в припадке сомнамбулизма, произносил целые монологи перед ними.

Подобным же образом объясняется, почему великие гении не могут иногда усвоить понятий, доступных самым дюжинным умам, и в то же время высказывают такие смелые идеи, которые большинству кажутся нелепыми. Дело в том, что большей впечатлительности соответствует и большая ограниченность мышления (*conpetto*). Ум, находящийся под влиянием экстаза, не воспринимает слишком простых и легких положений, не соответствующих его мощной

энергии. Так, Монж, делавший самые сложные дифференциальные вычисления, затруднялся в извлечении квадратного корня, хотя эту задачу легко решил бы всякий ученик.

Гаген считает оригинальность именно тем качеством, которое резко отличает гений от таланта. Точно так же Юрген Мейер говорит: «Фантазия талантливого человека воспроизводит уже найденное, фантазия гения – совершенно новое. Первая делает открытия и подтверждает их, вторая изобретает и создает. Талантливый человек – это стрелок, попадающий в цель, которая кажется нам труднодостижимой; гений попадает в цель, которой даже и не видно для нас. Оригинальность – в натуре гения».

Беттинелли считает оригинальность и грандиозность главными отличительными признаками гения. «Потому-то, – говорит он, – поэты и назывались прежде *trovadori*» (изобретатели).

Гений обладает способностью угадывать то, что ему не вполне известно: например, Гете подробно описал Италию, еще не видавши ее. Именно вследствие такой прозорливости, возвышающейся над общим уровнем, и благодаря тому, что гений, поглощенный высшими соображениями, отличается от толпы в сверхпоступках или даже, подобно сумасшедшим (но в противоположность талантливым людям), обнаруживает склонность к беспорядочности, – гениальные натуры встречают презрение со стороны большинства, которое, не замечая промежуточных пунктов в их творчестве, видит только разноречие сделанных ими выводов с общепризнанными и странности в их поведении. Еще не так давно публика освистала «Севильского цирюльника» Россини и «Фиделио» Бетховена, а в наше время той же участи подверглись Бойто (Мефистофель) и Вагнер. Сколько академиков с улыбкой сострадания отнеслись к бедному Марцоло, который открыл совершенно новую область филологии; Ббльяи (*Bolyai*), открывшего четвертое измерение и написавшего антиевклидову геометрию, называли геометром сумасшедших и сравнивали с мельником, который вздумал бы перемалывать камни для получения муки. Наконец, всем известно, каким недоверием были некогда встречены Фултон, Колумб, Папин, а в наше время Пиатти, Прага и Шлиман, который отыскал Илион там, где его и не подозревали, и, показав свое открытие ученым академиком, заставил умолкнуть их насмешки над собой.

Кстати, самые жестокие преследования гениальным людям приходится испытывать именно от ученых академиков, которые в борьбе против гения, обусловливаемой тщеславием, пускают в ход свою «ученость», а также обаяние их авторитета, по преимуществу признаваемого за ними как дюжинными людьми, так и правящими классами, тоже по большей части состоящими из дюжинных людей.

Есть страны, где уровень образования очень низок и где поэтому с презрением относятся не только к гениальным, но даже к талантливым людям. В Италии есть два университетских города, из которых всевозможными преследованиями заставили удалиться людей, составлявших единственную славу этих городов. Но оригинальность, хотя почти всегда бесцельная, нередко замечается также в поступках людей помешанных, в особенности же в их сочинениях, которые только вследствие этого получают иногда оттенок гениальности, как, например, попытка Бернарда, находившегося в флорентийской больнице для умалишенных в 1529 году, доказать, что обезьяны обладают способностью членораздельной речи (*linguaggio*). Между прочим, гениальные люди отличаются наравне с помешанными и склонностью к беспорядочности, и полным неведением практической жизни, которая кажется им такой ничтожной в сравнении с их мечтами.

Оригинальностью же обусловливается склонность гениальных и душевнобольных людей придумывать новые, непонятные для других слова или придавать известным словам особый смысл и значение, что мы находим у Вико, Карраро, Альфьери, Марцоло и Данте.

1) Покойный митрополит Московский Макарий, отличавшийся замечательно светлым умом, был до того болезненным и тупым ребенком, что совершенно не мог учиться. Но в семи-

нарии кто-то из товарищей, во время игры, прошиб ему голову камнем, и после того способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось.

2) Гете создал свою теорию развития черепа по общему типу спинных позвонков во время прогулки, когда, толкнув ногою валявшийся на дороге череп овцы, увидел, что он разделился на три части.

3) Потеря осязательной чувствительности.

4) Потеря болевой чувствительности.

II. ВЛИЯНИЕ АТМОСФЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ НА ГЕНИАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И НА ПОМЕШАННЫХ

На основании целого ряда тщательных наблюдений, производившихся непрерывно в продолжение трех лет в моей клинике, я вполне убедился, что психическое состояние помешанных изменяется под влиянием колебаний барометра и термометра. Так, при повышении температуры до 25°, 30° и 32°, в особенности если оно происходит сразу, число маниакальных припадков у сумасшедших увеличивалось с 29 до 50; точно так же в те дни, когда барометр начинал резко колебаться и показывал максимум повышения, число припадков быстро увеличивалось с 34 до 46. Изучение 23 602 случаев сумасшествия доказало мне, что развитие умопомешательства совпадает обыкновенно с повышением температуры весной и летом и даже идет параллельно ему, но так, что весенняя жара, вследствие контраста после зимнего холода, действует еще сильнее летней, тогда как сравнительно ровная теплота августовских дней оказывает менее губительное влияние. В следующие же затем более холодные месяцы замечается минимум новых заболеваний. Прилагаемая таблица показывает это вполне наглядно.

Месяц	Помешанных	Тепла	Месяц	Помешанных	Тепла
Июнь	2701	21°, 29	Октябрь	1637	12°, 77
Май	2642	16°, 75	Сентябрь	1604	19°, 00
Июль	2614	23°, 75	Декабрь	1529	1°, 01
Август	2261	21°, 92	Февраль	1490	5°, 73
Апрель	2237	16°, 12	Январь	1476	1°, 63
Март	1829	6°, 60	Ноябрь	1452	7°, 17

Полнейшая аналогия с этими явлениями замечается и в тех людях, которых – трудно сказать, благодетельная или жестокая, – природа более щедро одарила умственными способностями. Редкие из этих людей не высказывали сами, что атмосферные явления производят на них громадное влияние. В своих личных сношениях и в письмах они постоянно жалуются на вредное действие на них изменений температуры, с которым они должны иногда выдерживать ожесточенную борьбу, чтобы уничтожить или смягчить роковое влияние дурной погоды, ослабляющей и задерживающей смелый полет их фантазии. «Когда я здоров и погода ясная, я чувствую себя порядочным человеком», – писал Монтень. «Во время сильных ветров мне кажется, что мозг у меня не в порядке», – говорил Дидро. Джиордани, по словам Мантегацца, за два дня предсказывал грозы. Мэн Бيران (Maine Biran), философ-спиритуалист по преимуществу, пишет в своем дневнике: «Не понимаю, почему это в дурную погоду и ум, и воля у меня совершенно не те, как в ясные, светлые дни».

Я уподобляюсь барометру, – писал Альфьери, – и большая или меньшая легкость работы всегда соответствует у меня атмосферному давлению, – полнейшая тупость (*stupidita*) нападает на меня во время сильных ветров, ясность мысли у меня бесконечно слабее вечером, нежели утром, а в середине зимы и лета творческие способности мои бывают живее, чем в остальные времена года. Такая зависимость от внешних влияний, против которых я почти не в силах бороться, смиряет меня.

Из этих примеров уже очевидно влияние колебаний барометра на гениальных людей, и большая аналогия в этом отношении между ними и помешанными; но еще заметнее, еще резче оказывается влияние температуры.

Наполеон, сказавший, что «человек есть продукт физических и нравственных условий», не мог выносить самого легкого ветра и до того любил тепло, что приказывал топить у себя в комнате даже в июле месяце. Кабинеты Вольтера и Бюффона отапливались во всякое время года. Руссо говорил, что солнечные лучи в летнюю пору вызывают в нем творческую деятельность, и он подставлял под них свою голову в самый полдень.

Байрон говорил о себе, что боится холода, точно газель. Гейне уверял, что он более способен писать стихи во Франции, чем в Германии с ее суровым климатом. «Гром гремит, идет снег, – пишет он в одном из своих писем, – в камине у меня мало огня, и письмо мое холодно».

Спалланцани, живя на Эолийских островах, мог заниматься вдвое больше, чем в туманной Павии. Леопарди в своем Эпистоларио говорит: «Мой организм не выносит холода, я жду и желаю наступления царства Ормузда».

Джустини писал весной: «Теперь вдохновение перестанет прятаться... если весна поможет мне, как и во всем остальном».

Джиордани не мог сочинять иначе, как при ярком свете солнца и в теплую погоду.

Фосколо писал в ноябре: «Я постоянно держусь около камина (огня), и друзья мои над этим смеются; я стараюсь придать моим членам теплоту, которую поглощает и перерабатывает внутри себя мое сердце». В декабре он уже писал: «Мой природный недостаток – боязнь холода – заставил меня держаться вблизи огня, который жжет мне веки».

Мильтон уже в своих латинских элегиях сознается, что зимою его муза делается бесплодной. Вообще, он мог сочинять только от весеннего до осеннего равноденствия. В одном из своих писем он жалуется на холода в 1798 году и выражает опасение, как бы это не помешало свободному развитию его воображения, если холод будет продолжаться. Джонсону, который рассказывает об этом, можно доверять вполне, потому что сам он, лишенный фантазии и одаренный только спокойным, холодным критическим умом, никогда не испытывал влияния времен года или погоды на свою способность к труду и в Мильтоне считал подобные особенности результатом его странного характера. Сальваторе Роза, по словам леди Морган, смеялся в молодости над тем преувеличенным значением, какое будто бы оказывает погода на творчество гениальных людей, но, состарившись, оживлялся и получал способность мыслить лишь с наступлением весны; в последние годы жизни он мог заниматься живописью исключительно только летом.

Читая письма Шиллера к Гете, изумляешься тому, что этот великий, гуманный и гениальный поэт приписывал погоде какое-то необыкновенное влияние на свои творческие способности. «В эти печальные дни, – писал он в ноябре 1871 года, – под этим свинцовым небом, мне необходима вся моя энергия, чтобы поддерживать в себе бодрость; приняться же за какой-нибудь серьезный труд я совершенно не способен. Я снова берусь за работу, но погода до того дурна, что нет возможности сохранить ясность мысли». В июле 1818 года он говорит, напротив: «Благодаря хорошей погоде я чувствую себя лучше, лирическое вдохновение, которое менее всякого другого подчиняется нашей воле, не замедлит явиться». Но в декабре того же года он снова жалуется, что необходимость окончить «Валленштейна» совпала с самым неблагоприятным временем года, «поэтому, – говорит он, – я должен употреблять всевозможные усилия, чтобы сохранить ясность мысли». В мае Шиллер писал: «Я надеюсь сделать много, если погода не изменится к худшему». Из всех этих примеров можно уже с некоторым основанием сделать тот вывод, что высокая температура, благоприятно действующая на растительность, способствует, за немногими исключениями, и продуктивности гения, подобно тому как она вызывает более сильное возбуждение в помешанных.

Если бы историки, исписавшие столько бумаги и потратившие столько времени на подробнейшее изображение жестоких битв или авантюристских предприятий, осуществленных королями и героями, если бы эти историки с такой же тщательностью исследовали достопамятную эпоху, когда было сделано то или другое великое открытие или когда было задумано

замечательное произведение искусства, то они почти наверное убедились бы, что наиболее знойные месяцы и дни оказываются самыми плодовитыми не только для всей физической природы, но также и для гениальных умов.

При всей кажущейся неправдоподобности такого влияния оно подтверждается множеством несомненных фактов. Данте сочинил свой первый сонет 15 июня 1282 года; весной 1300 года он написал «Vita nuova», а 3 апреля начал писать свою великую поэму.

Петрарка задумал «Africa» в марте 1338 года. Громадная картина Микеланджело, которую Челлини, самый компетентный судья в этой области, назвал удивительнейшим из произведений гениального живописца, была скомпонована и окончена в течение трех месяцев, с апреля по июль 1506 года.

Мильтон задумал свою поэму весной.

Галилей открыл кольцо Сатурна в апреле 1611 года.

Лучшие вещи Фосколо были написаны в июле и августе.

Стерн первую из своих проповедей написал в апреле, а в мае сочинил знаменитую проповедь о заблуждениях совести.

Новейшие поэты – Ламартин, Мюссе, Гюго, Беранже, Каркано, Алеарди, Маскерони, Занелла, Арканжели, Кардуччи, Милли, Белли имели обыкновение обозначать почти на всех своих мелких и лирических стихотворениях, когда именно каждое из них было сочинено. Пользуясь этими драгоценными указаниями, мы составили следующую таблицу.

Месяцы	Ламартин	В.Гюго	Мюссе и Беранже	Каркано, Арканжели, Занелла, Кардуччи, Маскерони, Алеарди	Милли	Белли	Байрон	Сумма
Январь	11	20	8	10	28	21	1	99
Февраль	6	25	6	11	16	13	1	78
Март	18	19	4	22	16	14	3	96
Апрель	9	46	1	11	35	16	1	122
Май	16	57	13	16	30	4	1	137
Июнь	5	52	3	11	25	7	3	106
Июль	9	38	9	14	24	2	–	96
Август	25	35	9	20	16	4	–	109
Сентябрь	16	38	4	26	17	17	1	119
Октябрь	5	40	3	12	12	5	3	80
Ноябрь	12	29	8	10	20	22	–	101
Декабрь	10	10	7	12	25	18	–	82

Распределяя по месяцам сочинения Альфьери, мы видим, что в августе он написал «Гарциа», в июле – «Марию Стюарт»; в мае – «Заговор сумасшедших» («Congiura di Pazzi»), две книги «О тирании» и «О государе» («Principe»); в июне «Виргинию», «Лорентино», «Альцеста» и «Панегирик Траяну»; в сентябре – «Софонизбу», «Ажиде» («Agide»), «Мирру» и 6 комедий; в марте – «Саула»; в апреле – «Антигону», в феврале – «Меропу»; зимою – обоих «Брутов» и диалог «О добродетели». Две первые трагедии его были задуманы в марте и мае.

Из автографов Джустини я мог с точностью определить время первоначального создания многих мелких поэм этого поэта, но когда именно они получили окончательную отделку – трудно сказать, до такой степени в них много поправок.

Стихотворение Джюсти «Бал» (или «Современная демократия», как оно вначале называлось) было написано в ноябре, «Сатира на лжелибералов» – в октябре; маленькая поэма «К другу» – в июне, «Ave Maria» – в марте.

Вольтер написал «Танкреда» в августе.

Байрон окончил в сентябре 4-ю песню «Pelligrinaggio», в июне «Пророчество Данте», а летом в Швейцарии – «Шильонского узника», «Мрак» и «Сон».

Из переписки Шиллера с Гете видно, что он осенью составил план трагедий «Дон Карлос», «Валленштейн», «Заговор Фиеско» и «Вильгельм Телль». В сентябре месяце были написаны им «Лагерь Валленштейна» и «Эстетические письма». Зимой он задумал трагедию «Луиза Миллер», в июне – «Коринфскую невесту», «Бог и баядерка», «Чародей» («Маго»), «Водолаз», «Перчатка», «Поликратов перстень», «Ивиковы журавли»; в июне начал писать «Иоанну д'Арк».

Гете набросал осенью три лирических стихотворения, в апреле начал писать «Вертера»; в мае – «Искателя кладов», «Строфы», «Миньону» и еще лирическое стихотворение; в июне и июле: «Челлини»; «Алексис», «Эфрозина», «Метаморфозы растений» и «Парнас»; зимой: «Ксении», «Герман и Доротей», «Диван» и «Незаконная дочь». В первых числах марта 1788 года, когда, по словам самого Гете, несколько дней значили для него больше целого месяца, он написал, кроме многих лирических пьес, еще и окончание к «Фаусту».

Россини в феврале сочинил почти всю оперу «Семирамида», а в ноябре написал последнюю часть «Stabat Mater».

Моцарт сочинил оперу «Митридат» в октябре.

Бетховен написал свою Девятую симфонию в феврале.

Доницетти в сентябре сочинил оперу «Лючия ди Ламмермур», может быть, и всю, но наверное знаменитый отрывок «Tu che a Dio spiegasti l'aie». Точно так же осенью он написал оперу «Дочь полка», весной – «Линду ди Шамуни», летом – «Rita», зимой – «Дон Паскуале» и «Miserege».

Канова сделал модель своего первого произведения («Орфей и Эвридика») в октябре.

Микеланджело работал над своей картиной «Милосердие» с сентября по октябрь 1498 года, рисунок библиотеки он составил в декабре, а деревянную модель гробницы Папы Юлия I – в августе.

Леонардо да Винчи задумал статую Франческо Сфорца и начал писать свое сочинение «О свете и тени» 23 апреля 1490 года.

Первая мысль об открытии Америки явилась у Колумба в конце мая и в начале июня 1474 года, когда он задумал отыскать западный путь в Индию.

Галилей открыл в апреле 1611 года, одновременно с Шейнером или, может быть, раньше его, пятна на Солнце; а годом раньше, в декабре или, скорее, в сентябре, – так как наблюдение было сделано три месяца раньше, чем появилось его описание, – он открыл аналогию между фазами Луны и Венеры. В мае 1609 года Галилей изобрел телескоп, а в июле 1610 года открыл те звезды, которые впоследствии оказались самыми светлыми точками в кольце Сатурна. Это последнее открытие он с обычным своим остроумием кратко выразил в стихе:

*Aitissimum planetam tergeminum observavi.*³

Кеплер в мае 1618 года открыл законы движения мировых тел.

В августе 1546 года Фабрициус открыл первую периодически перемещающуюся звезду.

³ Наблюдал тройное лицо высочайшей планеты.

В октябре 1666 года и апреле 1667 года Кассини открыл пятна, указывающие на вращение Венеры, а в октябре, декабре и марте (1671–1684) – четыре спутника Сатурна. Еще два из них были открыты Гершелем в марте 1789 года.

Один из спутников Сатурна был открыт Гюйгенсом 25 марта 1655 года, а другой – Дове и Бондом в ночь на 19 сентября 1848 года.

Два спутника Урана были открыты в 1787 году Гершелем; он подозревал, что существует и третий спутник, который в октябре 1851 года был найден Струве и Ласселлом, открывшими 14 сентября этого года также и последний спутник Урана – Ариэль.

Спутники Нептуна Ласселл впервые увидел в ночь на 8 июля 1846 года.

Уран был открыт Гершелем в марте 1781 года. Тот же астроном наблюдал в апреле вулканы на Луне.

Брадлей открыл в сентябре 1728 года законы аберрации (кажущееся движение неподвижных звезд). Замечательно, что на это открытие навело его наблюдение колебаний вымпела (флюгера) при каждом повороте барки на Темзе.

Любопытные открытия Энке и Вико (1735–1738) относительно Сатурна были сделаны в марте и апреле.

Из комет, открытых Гамбардом, три он нашел в июле, две – в марте и мае и по одной – в январе, апреле, июне, августе, октябре и декабре.

Спутники Марса Холл открыл в августе 1877 года.

Общее число 175 мелких планет, открытых в продолжение 1877 года, и 247 комет, открытых до 1864 года, распределяется по месяцам:

Месяц	Мелкие планеты	Кометы
Январь	11	24
Февраль	10	10
Март	13	24
Апрель	23	25
Май	14	14
Июнь	7	15
Июль	10	37
Август	19	21
Сентябрь	29	15
Октябрь	18	22
Ноябрь	18	22
Декабрь	3	17
Сумма	175	247

Открытие Скиапарелли относительно падающих звезд было сделано в августе 1866 года.

Из дневника Мальпиги видно, что в июле он сделал свое замечательное открытие, касающееся добавочных почек, а в июле – относительно скученных желез.⁴ Любопытен тот факт, что у Мальпиги некоторые месяцы особенно богаты новыми работами, например, в 1688 и 1690-м годах – январь, а в 1671 – июнь, в продолжение которого сделано 3 открытия. Первая мысль об устройстве барометра явилась у Торричелли в мае 1644 года, как это видно из его письма к Ричи от 11 июня; в марте того же года он сделал чрезвычайно важное для того времени открытие относительно лучшего способа приготовления стекол для телескопов.

Первые опыты Паскаля над равновесием жидкостей были произведены в сентябре 1645 года.

В марте 1752 года Франклин сделал первые опыты с громоотводами, которые, однако, устроил окончательно только в сентябре. Гете говорит, что самые оригинальные идеи относи-

⁴ Так называются железы, состоящие из собрания лимфатических клеток, не имеющих общей оболочки. Они расположены под слизистой оболочкой кишок и полости рта.

тельно теории цветов явились у него в мае; его прекрасные опыты над растениями были произведены в июне.

Алессандро Вольта изобрел свой электрический столб зимой 1800 года; мнение, будто это изобретение сделано весной, – ошибочно, так как 20 марта 1805 года Вольта только сообщил о нем Королевскому Обществу в Лондоне. Весною 1775 года был изобретен им электрофор. В первых числах ноября 1774 года он же сделал открытие относительно отделения водорода при брожении органических веществ и осенью 1776 года изобрел свой заряжающийся водородом пистолет, хотя биографы относят это изобретение к весне 1776 года. К этому же году относится, изобретение эвдиометра, сделанное, по всей вероятности, весной, приблизительно в мае месяце. В апреле того же 1777 года Вольта написал профессору Барлетта знаменитое письмо (хранящееся в Ломбардском институте), где сделано предсказание относительно электрического телеграфа. Весною 1788 года он устроил свой электрометр-конденсатор, описание которого издал в августе.

Луиджи Бруньятелли изобрел искусство гальванопластики в ноябре 1806 года, как об этом свидетельствует письмо, найденное адвокатом Вольта в бумагах своего знаменитого предка; изобретение это приписывалось и Якоби, и Спенсеру, и Де-ла Риву, хотя они только усовершенствовали его в 1835 и 1840 годах.

Никольсон открыл окисление металлов с помощью Вольтова столба летом 1800 года.

Первые работы Гальвани над действием атмосферного электричества на нервы холоднокровных животных были сделаны им, как он сам писал, 26 апреля 1776 года. В сентябре 1786 года он произвел первые опыты над судорожными сокращениями лягушек без посредства постоянного электрического источника, с помощью одного только металлического проводника, откуда и получила начало теория гальванизма. В ноябре 1780 года Гальвани приступил к опытам над сокращениями лягушек посредством электричества.

Из рукописей Лагранжа видно, что первое представление о вариационном вычислении явилось у него 12 июня 1755 года и что «Аналитическую механику» он задумал 19 мая 1756 года. Решение задачи о вибрирующих струнах он нашел в ноябре 1759 года.

Рассматривая рукописи Спалланцани, которые частью мне удалось достать в подлиннике из общественной библиотеки Реджио, и пользуясь сделанными для меня из них профессором Тамбурини выписками, я пришел к заключению, что опыты Спалланцани над плесенью были начаты 26 сентября 1770 года. 8 мая 1780 года он предпринял, говоря его собственными словами, «изучение животных, цепенеющих на холоде», а в 1776 году, в апреле или мае, нашел в самках зародыши, ранее оплодотворенные (партеногенез). Позднее, 2 апреля 1780 года является самым богатым днем в его жизни по части опытов или дедукций относительно овуляции. «Я убедился, – собственноручно написал в этот день Спалланцани, после того как сделал 43 опыта, – что семя (sperma) получает способность оплодотворения через известный промежуток времени после своего выхода, что слизь половых органов (succo vescicolare) может оплодотворять точно так же, как и семя, и что вино и уксус мешают оплодотворению».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.